

I тыс. до н. э.? Нам думается, что объяснение следует искать в тех важнейших социально-экономических сдвигах в развитии греческого общества, которые были связаны с появлением и внедрением в производство железа как раз на рубеже этих двух тысячелетий. Типичная для микенской цивилизации централизованная дворцовая экономика уступает теперь место автономному хозяйству патриархальной моногамной семьи. Новый полис, возникший на развалинах микенских монархий, в плане социально-экономическом был конгломератом семейных общин (ойкосов), в плане политическом и религиозном — союзом группы родов⁶¹. В гомеровском эпосе «протополис», соответствующий элементарной форме родовой общины, очерчен достаточно ярко и выпукло (особенно в «Илиаде»). Но Гомер уже знаком и с более совершенной и, очевидно, более поздней по времени возникновению моделью полиса, приближающейся к тому, что мы привыкли называть «городом-государством» (наиболее яркий пример — город феаков). Переход от «протополиса» к полису в собственном значении этого слова произошел, таким образом, еще в хронологических рамках гомеровского периода⁶². Однако для того, чтобы понять, как это произошло, мы должны располагать гораздо более обширным материалом, нежели тот, который дают обе гомеровские поэмы и который можно было бы охватить в одной статье.

В. Г. БОРУХОВИЧ

ЕГИПЕТ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ

Уже сами греческие мифы, составившие, по словам Маркса, «базис и арсенал» античного искусства (что с особой силой проявилось в классической греческой трагедии), хранили в себе длительный многовековой опыт контактов их создателей с нильской долиной. Примером может служить миф о Гелиосе, огибающем небесный свод в своем золотом кубке: он принадлежит к числу древнейших греческих заимствований из египетской культуры. У Ферекида, текст которого сохранил Афи-

⁶¹ См. Glotz G. Histoire Grecque, t. I. P., 1925, p. 126.

⁶² Ср. Starr Ch. G. Op. cit., p. 124, 336 sq.; Leveque P. L'Aventure Grecque P., 1964, p. 112; Thomas C. C. Homer and the Polis, p. 5, 8—9; Hoffmann W. Die Polis bei Homer, s. 157 ff.

ней (Athen. XI, 39, p. 470, CD-FHG I, 80), мы читаем: «Геракл натянул лук, собираясь выстрелить в Гелиоса, но последний приказал Гераклу не делать этого. Геракл, испугавшись, не выстрелил. За это Гелиос дал ему золотой кубок, в котором он сам ездил со своими конями после заката через Океан, в течение всей ночи, по направлению к Востоку, откуда восходит солнце» (ср. также Apollod. Bibl. II, 5, 10).¹ В египетских храмах бога Ра, построенных в эпоху Древнего Царства, по обеим сторонам святилища воздвигались на фундаменте изображения кораблей, соответствующих тем двум небесным кораблям, в которых бог солнца Ра совершал свое путешествие по небу утром и вечером².

То, что религия древнего Египта была хорошо знакома грекам в ту далекую эпоху, когда складывались мифы, можно увидеть из мифа о Тифоне. Олимпийские боги, спасаясь от этого чудовища, бегут в Египет и там изменяют свой облик, превращаясь в животных (Apollod. Bibl. I, 6, 3). Так в пору своего первого знакомства с египетской религией объясняли себе греки столь поразившее их обилие богов в образе животных, которым поклонялись обитатели нильской долины. В мифе об Ио переплелись греческие и египетские мотивы. Поэтому следует признать совершенно естественным, что классическая греческая трагедия, создававшаяся на сюжеты греческих мифов, содержит многочисленные упоминания об этой стране. Интерес к ней был всеобщим; кроме того, внесение экзотических подробностей в трагедию было особым художественным приемом, усиливавшим привлекательность этого еще нового тогда вида искусства.

Уже сами названия пьес Фришиха — «Египтяне», «Данаиды», «Антей или ливийцы» — говорят об интересе к Египту первых греческих трагиков. Правда, из этих названий нельзя многого извлечь: сами пьесы до нас не дошли. Но из сохранившихся пьес Эсхила можно заключить, что этот поэт обладал таким знанием восточного — в частности, египетского —

¹ О глубокой древности этого рассказа свидетельствует и употребленное там слово *белас*, по поводу которого Шантраен (Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968, S. V. пишет; Очень древнее слово, обозначающее объект, с трудом поддающийся идентификации...». Ср. также у Стесихора: «Гелиос, сын Гипериона, в чашу вошел золотую (белас :εσχατεβαλεν χρυσεον) чтоб, реку Океан переплывши, достигнуть глубины обиталища сумрачной ночи...» (перев. В. Вересаева).

² Breasted J. H. Geschichte Aegyptens. Phaidon—Ausgabe, 1936, s. 90.

материала, которое, по мнению Цуккера, является поразительным (ist erstaunlich)³. Мы находим сведения о Египте и в «Персах», и в «Молящих», и в «Прикованном Прометее», и в трилогии «Орестея» (пьеса «Агамемнон»). Наиболее важной в этом отношении является пьеса «Молящие», входившая в тетралогии «Данаиды» (она состояла из пьес «Молящие», «Египтяне», «Данаиды» и сатирической драмы «Аммимона») ⁴. Не исключено, что тетралогия начиналась с «Египтян» и что действие драмы происходило на почве Египта ⁵. В этой тетралогии Эсхил использовал тот же миф, что Фриних в «Данаидах» и «Египтянах» (обе пьесы, возможно, составляли дилогию) ⁶.

То, что Эсхил в «Молящих» рассказывает об этой стране, во многом походит на живые впечатления человека, побывавшего в Египте ⁷. Он называет Нил «водой, утучняющей животных» (Suppl. v. 855). Нильская вода обладает особыми целебными свойствами (там же, ст. 561). Это именно те свойства, которые приписывали нильской воде сами египтяне: по сообщению Элиана, египетские жрецы поят быка Аписа родниковой водой, ибо от нильской воды, уверяли они, бык становится слишком жирным (Ael. N. N. XI, 10).

В пьесе «Молящие» земля Египта названа «Зевсовой рошей, питающей все живое». (ст. 559). В поэтическом и образном описании Нильской долины как «дола, питаемого снегами» (ст. 560), заключено одно из популярных во времена Эскила объяснений причин периодических разливов Нила. Они якобы происходили от того, что снега Эфиопии тают от жаркого ветра, «силы Тифона» ⁸. Это же объяснение мы находим и в другом месте у Эскила:

«А солнце, огненно светя, дает земле
Жару, что топит снег: и ей в ответ
Священной влаги полон нильский дол цветет»
(фрагм. 304)

³ Zucker F. Athen und Agypten (Aus Antike und Orient, Festschrift Schubart). Leipzig, 1950, S. 149.

⁴ Mette H. Der verlorene Aischylos. B., 1963, S. 50.

⁵ Mette H. Op. cit., S. 53.

⁶ Sinko I. Zarys literatury greckiej, t. I. Wars., 1959, s. 344.

⁷ См. Peretti A. Eschilo ed Anassagora sulle piene del Nilo, Studi italiani di filologia classica. 1956, v. XXVII—XXVIII, p. 374.

⁸ Эсхил идентифицирует египетского бога Сета с Тифоном (см. Kranz W. Staimon, Untersuchungen zu Form und Gehalt d. griech. Tragödie. Berlin 1933, S. 98, Luria S. Demokrit, Orphiker und Aegypten. EOS, 1961, S. 24).

В. Кранц в уже цитированной здесь работе показывает, что представления Эсхила о Ниле и его истоках основаны на подлинно египетской традиции⁹. Воды Нила священны (фрагм. 300,6), «благостны для питья» (Prom. V. V. 812). Поэт знает, что Нил обожествляется египтянами и заставляет египетских женщин поклоняться Нилу даже тогда, когда они оказываются на чужбине (Suppl. V. 879). Сходные представления о Египте мы находим у Анаксагора, как видно из Диодора (I, 38) и у Эврипида (фрагм. 230)¹⁰.

Устье Нила рисуется поэтом как занесенное тонким песком (Suppl. V. 3: не зрительный ли это образ, возникший у грека, недавно посетившего Египет? Обычно греки прибывали в Навкратис, расположенный в устье Нила. Очертания Дельты поэту знакомы — он знает «треугольную Нильскую землю» (Prom. V. V. 183—814), города Каноп и Мемфис (Suppl. V. 311). Это именно те города, которые чаще всего посещались греками в Дельте, так как через Канопское устье греки прибывали в Египет¹¹. Египтяне питаются «плодом библа»: имеются в виду съедобные части стебля папируса, о чем пишет Геродот (II, 92)¹². Папирус и изготовлявшийся из него писчий материал были хорошо знакомы Эсхилу (Suppl. V. 947).

Геродот называет болота Египта ελη (II, 104), сообщая при этом, что некогда вся страна, кроме Фиванского нома, представляла собой подобное болото. Это название поросших папирусом и другими пильскими растениями заболоченных районов Дельты было обычным для эллинов. Поэтому Эсхил называет жителей нильской долины ελειοβатаι, «бродящими в болоте» (Pers. 39). Невольно вспоминаются современные жители нильской долины, замечает по этому поводу Кранц¹³. Нет сомнения, что это сложное слово изобретено самим поэтом и является одним из тех лексических новообразований, за которые Аристофан шутили упрекал Эсхила в пьесе «Лягушки».

Мы находим у Эсхила название агипетской барки — βαρις

⁹ Kranz W., S. 100.

¹⁰ См. How W., Wells J. A commentary on Herodotus. Oxf., 1957, I, p. 169.

¹¹ См. нашу статью «Египет и греки в VI—V веках до н. э. в «Уч. зап. Горьк. ун-та», 1965; № 67, с. 85.

¹² См. нашу статью «Античные авторы о производстве папируса» в «Уч. зап. Горьк. ун-та, 1961, № 52, с. 410.

¹³ Kranz W., S. 99.

(египетское *bt*), довольно часто встречающееся в пьесе «Молящие».

Особый интерес представляет сам сюжет «Молящих». Легенда о 50 дочерях Данае, бежавших из Египта, чтобы избежать брака с двоюродными братьями, сыновьями Египта, сохранила в себе зерно очень древней саги, смысл которой некогда раскрыл Л. Морган в своей книге «Древнее общество». Здесь отражена так называемая «Туранская система родства», заступающая браки между двоюродными братьями и сестрами. Но сама по себе эта система брачных отношений не могла волновать Эсхила: нужно было нечто такое, что могло бы сделать эту проблему актуальной и значительной. Поэтому естественно предположить, что в Египте Эсхил увидел такую систему семейных отношений, в которой подобные браки допускались. Там почти во всех слоях общества браки между братьями и сестрами были обычными¹⁴.

Можно полагать, что Эсхил был знаком даже с египетской поэзией, или, по крайней мере, с некоторыми ее мотивами, проникшими в греко-египетскую среду. Основанием для такого предположения может служить пьеса Эсхила «Агамемнон». К возвратившемуся с победой царю Агамемнону Клитемнестра обращается с необыкновенно пышной и цветистой речью, прославляя своего супруга и царя:

«...тебя

Псом, стадо стерегушим, назову сейчас,
Корабль спасающим канатом, крепости
Столбом высоким, сыном у отца одним,
Землей, пловцу нечаянно открывшейся,
Веселым днем весенним после зимних бурь,
Глотком воды для жаждущего спутника:
Тебя такими величаю ласками»

(ст. 896 слл.)

В египетских текстах эпохи Нового Царства мы можем отыскать подобные сравнения. Архитектор Инени, обращаясь к царице Хатшепсут, говорит: «Носовой канат корабля, причал Южан, отменный кормовой канат Северной страны — гаква она, моя повелительница...». Инени сравнивает ее с причальными канатами нильской барки¹⁵. Кранц находит воз-

¹⁴ О египетской эндогамии и отношении к ней Эсхила см. Thomson G. Aischylos und Athen. Berlin, 1957, S. 319.

¹⁵ Брэстед Д. История Египта. Т. I, 1915, с. 284.

можным утверждать, что Эсхилу были знакомы египетские гимны Нилу, богу солнца и т. д.¹⁶ Отсюда, конечно, вовсе не следует, будто Эсхил мог быть знатоком египетской поэзии или даже языка: он мог получить ряд сведений от афинян, занимавшихся торговлей с Египтом и регулярно вывозивших оттуда хлеб, или от представителей местной греко-египетской среды, образовавшейся в Навкратисе, где греки жили издавна, со времен первых фараонов Саисской династии.

Для Эсхила вообще характерно повышенное внимание к Востоку, что дает себя знать в самой древней из дошедших до нас трагедий, пьесе Эсхила «Персы». Экзотические детали, позволяющие создать *couleur locale*, необыкновенно разнообразны: это и частые повторения странно звучащих в ушах рядового афинского зрителя персидских имен, полководцев Ксеркса, и употребление персидских придворных титулов («царевноо»), и пышное возвеличение персидского царя, и преувеличенные с точки зрения сдержанных греков выражения скорби...

В стихах 664—671 «Персов» Дарий назван *ахаос*, что является приблизительным переводом его персидского имени *Daḡauya* (h)us¹⁷. Есть основания полагать, что даже имя Дария хор в «Персах» произносит в его персидском звучании¹⁸.

Египетские мотивы нашли свое отражение и в мифологии Эсхила. Таким является миф об Ио и Эпафе. Зачатие Эпафа (егип. Аписа) в результате божественного дыхания (*Suppl.* 575), ликование всей страны при вести о рождении Эпафа (там же, 583), потрясаемой радостными кликами — все это подтверждает, что Эсхил обладал точными знаниями о жизни и быте Египта. О том, что повторяющийся ежегодно праздник рождения Аписа справлялся с необыкновенной пышностью, мы узнаем из Элиана (*Ael. N. A.* XI, 10)¹⁹. Эсхил знал и о трудностях, которые подстерегают там чужестранца, и выражение

¹⁶ Там же, с. 294. См. также прим. к с. 102.

¹⁷ Meillet—Benveniste. *Grammaire du vieux perse*. 1935, p. 25. В Накширустемской (В) надписи царь Дарий говорит о себе: «То, что справедливо, это мое желание...не сердит я. То (чувство), которое в моем гневе возникает, полностью я сдерживаю сердцем» (см. Струве В. В. Геродот и политические течения в Персии эпохи Дария I. — ВДИ, 1948, № 3, с. 12 слл).

¹⁸ См. нашу заметку «К тексту «Персов» Эсхила». — Доклады и сообщения филологического института ЛГУ, вып. 3, 1951, с. 283.

¹⁹ См. нашу статью «Египет и греки в VI—V веках до н. э.», с. 106.

«мастера на козни египтяне» (фрагм. 373) носит характер поговорки.

По-видимому, увлечение восточной экзотикой и особенно восточными культурами было явлением, довольно распространенным в Афинах классической эпохи. Древняя аттическая комедия, консервативная тенденция которой здесь ясно определяла ее позицию, решительно выступила против поклонников востока и восточных культов. Эта тенденция свойственна и Кратину²⁰, и Ферекрату²¹, и Аристофану, и Эвполиду. В «Птицах» Аристофана мы находим торжественное заявление птиц, в котором они заверяют афинян, что они, птицы, теперь для афинян и Аммон и Дельфы... Это несомненный намек на увлечение афинян культом Аммона. В этой же пьесе (1296) Аристофан нападает на некоего Ликурга, называя его ибисом: после основания птичьего государства «настолько сильным стало помешательство, что даже имена у птиц берут они». По-видимому, Ликурга называет ибисом и Эвполид в «Таксиархах» (фрагм. 260). Ибис был птицей, посвященной богу Тоту, покровителю греко-египетского города Навкратиса, где эта птица пользовалась особым почетом. Отсюда ясно, что Ликург побывал в Египте (Навкратисе) и стал поклоняться местному богу Тоту²². В одном из фрагментов пьесы Ферекрата «ΑΓΡΙΟΙ» содержится намек на желание некоего лица выехать в Египет, жители которого названы соотечественниками Ликурга.

Рассказы о чудесных сборужениях Египта, распространявшиеся в Афинах бывалыми людьми, позволили авторам древней комедии использовать образ египтянина как нарицательный. Аристофан в «Птицах» (1133) отзывается о египтянах как о людях, способных переносить необыкновенно большие тяжести (ср. также «Лягушки», 1406). В то же время странные для греков обряды египтян вызвали у афинян насмешки («Птицы», 606). Эти нападки перешли и в комедию IV века. Поэт Анаксандрид заявляет: «ты поклоняешься быку, я же приношу его в жертву богам (Athen. 299 A).

Произведение Геродота — точнее, описание Египта, которое в нем содержится, — привлекло внимание поэта Софокла, который в своей последней пьесе «Эдип в Колоне» рассказы-

²⁰ См. Schmid W., Stählin O. Gesch. d. Griech. Lit. I. B. IV. München, 1946, S. 73, 79 u. a.

²¹ Там же, с. 99.

²² У Платона мы находим пространный рассказ о Навкратисе и его боге Тоте, которому был посвящен ибис (Plato. Phaedr. 274 C—D).

вает о странном укладе жизни в Египте, где мужчины ткут, а женщины вне дома добывают средства к жизни (ст. 337 сл.). Это описание несомненно является данью уважения к историку со стороны поэта²³.

В конце V в. до н. э. действие таких исконно греческих мифов, как миф о Елене, связывается с Египтом. В трагедии «Елена» Эврипид переносит Елену в Египет, а в Троию посылается только призрак, отправившийся туда вместе с Парисом. Мотив о перенесении истинной Елены в Египет был неизвестен, например, Стесихору, в одном из стихотворений которого Парис похищает не Елену, а только ее призрак. Существуют предположения, что этот мотив возник на египетской почве в VI—V вв. до н. э.²⁴

Геродот также не знает этого варианта мифа, хотя мы находим у него сведения о том, как египетский царь Протей, узнав от своего берегового стража Тониса о прибытии Париса и Елены в Египет, изгоняет Париса из страны за то, что он совершил преступление, а Елену задерживает, чтобы вернуть ее истинному супругу (Her. II, 14)²⁵. Эврипид, изменив миф о Протее, обитателе острова Фароса, дополняет его новыми деталями, необходимыми для развития характерной для пьесы «Елена» интриги.

В этой пьесе находят свое отражение обычные для афижан того времени представления о Египте. Монолог Елены, которым открывается пьеса, начинается с того, что указывается место действия — долина Нила, разливающегося не под действием дождей, как реки Греции, а от таяния снегов. Подобное объяснение периодических разливов Нила мы встречали у Эсхила. Подлинно египетским является деление земли на бесплодную (*αβροχος*) и плодородную (*χαρλοφορος* — Hel. I, 484): такое деление мы находим в египетских папирусах²⁶.

Черты подлинно египетской действительности выступают в пьесе «Елена», когда мы сталкиваемся с Теоклименом — ца-

²³ См. Лурье С. Я. Геродот. М.—Л., 1947, с. 21; его же. Очерки по истории античной науки. 1947, с. 361 (прим. 11). О заимствовании Софоклом этого же мотива см. How. W., Wells J. Op. cit., I, p. 179.

²⁴ Schmid W., Stählin O. Op. cit., III, H. 1, H., 1940, S. 502. См. также Premerstein A. Über den Mythos in Euripides' Helene. Philologus, V. 55. 1896, S. 633 ff.

²⁵ Дильс (Hermes, XXII, 1887, s. 441 ff.) показал, что миф о пребывании Елены у Протея восходит к Гекатею.

²⁶ Schmid W., Stählin O. Op. cit., III, H. 1, S. 514, anm. 7.

рем, сменившим Протея. Этот варвар отправлял на казнь всех чужестранцев, попадавших в Египет, — деталь, заставляющая вспомнить миф о Бусирисе, в основе которого лежит традиционная неприязнь древних египтян к чужестранцам. Сестра Теоклимена, Теоноя, появляется на сцену в сопровождении слуг, несущих светочи, по египетскому ритуалу: так производились поиски Осириса. Люди, разыскивавшие его, шествовали с лампадами в руках²⁷. Подчеркивая варварское происхождение Теоклимена, Эврипид использует ритмико-мелодические средства, а также приемы этической характеристики, но избегает варварских слов — египтизмов.

Глубокое знакомство греческих трагиков с Египтом, его жизнью и обычаями можно объяснить постоянными и прочными контактами, восходящими ко временам Солон и Писистрата (тетрадрахмы которого находят в Дельте в большом количестве), а также тем интересом, с которым афинская публика всегда относилась к этой древней стране. Эпоха наивысшего расцвета классической греческой трагедии совпадает со временем особенно тесных связей Афин с Египтом: это вторая половина V в. до н. э. Египет в этот период был одним из главных источников хлебного снабжения Афин, вторым по значению после Северного Причерноморья.

Н. А. ДЕМИНА

КУЛЬТ АРТЕМИДЫ АГРОТЕРЫ В АТТИКЕ

Культы Аттики известны своими древними корнями, уходящими в крито-микенские времена. Большинство греческих божеств, унаследовавших черты этого времени, не восходят прямо к минойским божествам, но восприняли некоторые их черты¹. По сложившемуся в науке мнению, к таким божествам относится и греческая богиня Артемида (одной из ипостасей которой является Агротера), унаследовавшая ряд черт минойско-микенской богини $\lambda\omicron\tau\upsilon\alpha \theta\eta\rho\omega\nu$ — «владычицы зверей»².

²⁷ How W., Wells J. Op. cit., I, p. 195; Zucker F. Op. cit., S. 156.

¹ Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. I. München, 1967, S. 307.

² Chryssanthos Christou A. Potnia Theron. Eine Untersuchung über Ursprung, Erscheinungsformen und Wandlungen der Gestalt einer Gottheit. Thessaloniki, 1968, S. 15.